

А. А. БРЫКОВА

Специфика перевода
креолизованных текстов
(на примере анализа переводов
Д. Хармса и А. Усачева рассказа
В. Буша «Плих и Плюх»)

В статье представлен сопоставительный анализ вольных переводов Д. Хармса (1937) и А. Усачева (2011) рассказа в стихах В. Буша «Плих и Плюх», представляющего собой креолизованный текст. Проведенный анализ позволяет показать, как наличие визуального компонента влияет на особенности переводческих стратегий – на уровне пропозиции и референции, сюжетного развертывания, степени креолизации и уровне аксиологии, в первую очередь предполагающем переосмысление переводчиками воспитательных практик.

Ключевые слова: В. Буш; «Плих и Плюх»; креолизованный текст; переводческая стратегия; Д. Хармс; А. Усачев; W. Busch; Plisch und Plum.

А. А. BRYKOVA

Creolized Text Translation
Strategies (the Analysis of W. Bush's
"Plish and Plum" Translated
by D. Kharms and A. Usachev)

The article discusses two free translations of W. Busch's creolized rhymed story "Plish and Plum" made by D. Kharms (1937) and A. Usachev (2011). The analysis shows that the visual component of the story influences on the translation strategies – on the propositional and referential level, on the level of the plot and on the level of creolization and axiology (discussing of educational traditions).

Keywords: W. Busch; Plish and Plum; creolized text; translation strategy; D. Kharms; A. Usach'ov.

Произведения, художественная задача которых решается за счет синтеза элементов визуального и вербального рядов, в современной прагматике принято называть поликодовыми, полимодальными или креолизованными¹. В литературоведении и искусствоведении предпочтение отдается терминам «книжка-картинка» («книжка с картинками»)², «графический рассказ/ роман»³. В отличие от иллюстрированных книг, визуальный компонент книг с картинками является неотъемлемой частью произведения, определяющей его эстетику и трактовку и влияющей на переводческие стратегии, особенно если речь идет об исторически детерминированных текстах. Например, о рассказе в стихах В. Буша «Плих и Плюх» (нем. Plisch und Plum, 1882), взятом в двух переводах: классическом вольном переводе Д. Хармса 1937 г.⁴ и современном переводе-пересказе А. Усачева (2011 г.)⁵. Сопоставление этих переводов дает возможность сравнить не только степень креолизации текста (степень взаимодействия вербального и визуального рядов), но и изменения аксиологического уровня текста, в первую очередь связанные с переосмыслением воспитательных практик.

Сюжет анализируемого рассказа, состоящего из 7 глав* и эпилога, весьма прост и строится на серии проказ двух собачек, которых хотел утопить

* Из анализа будет исключена глава про еврея, так как ее нет в переводе Хармса (в переводе Усачева глава присутствует), видимо, в силу ее крайне острой карикатурности.

Каспар Шлих (у Усачева — фермер Швах), но которых спасли от смерти два мальчика — Петер и Пауль Фиттихи, такие же шалуны, как и их питомцы, отправленные за свои шалости на перевоспитание в школу Бокельмана.

Отличительной чертой произведений В. Буша являются созданные автором шаржево-карикатурные рисунки (в оригинале и в издании 1937 г. черно-белые, а в издании 2011 г. — цветные, выполненными с использованием очень ярких красок). Каждая глава рассказа — это серия рисунков, снабженных текстом, расположенным чаще всего под, реже — над изображением, что уже на структурном уровне указывает на неразрывную связь вербального и визуального рядов. Отношения же этих рядов в оригинальной версии рассказа можно охарактеризовать как комплементарные, так как вербальный ряд детально повторяет ряд визуальный, если не считать незначительного расширения хронологических рамок повествования (в основном с целью мотивировать действия героев) и использования авторских отступлений и оценочных высказываний. Такое соотношение вербального и визуального компонентов рассказов несколько усложняет его типологическую классификацию, так как низкая степень креолизации делает его переходным между иллюстрированным рассказом и рассказом с картинками.

Наличие визуального ряда определяет и логику оценки переводческих стратегий, которые должны учитывать особенности визуального типа искусства, в первую очередь его пространственную ориентированность, что повышает на вербальном уровне значимость способов вербализации пропозиции, а также приемов первичной и вторичной референции. Не менее значима для оценки переводческой стратегии и статичность изображений, серия которых фрагментирует сюжет, поэтому его непрерывность может быть восстановлена только на уровне повествования. Отвечает текст также и за оценочно-аксиологический уровень произведения, который не может быть дан в изображении напрямую, а значит визуальный ряд так или иначе допускает трактовки, представляя простор для фантазии и переводчиков, и читателей. Чем и пользуется как Хармс, так и Усачев, довольно вольно обращаясь с оригиналом.

В первую очередь оба переводчика значительно сокращают объем вербального ряда (устраиваются также и отдельные изображения), практически полностью исключая, в некоторых частях текста сильно редуцируя или вовсе изменяя, оценочные компоненты, дополняющие пропозиционную основу текста. Речь идет о монологах героев (монолог папы Фиттиха, монолог учителя Бокельмана) и об авторских ремарках, позволяющих говорить, что в оригинале повествование идет от лица имплицитного взрослого.

Изменению частично подвергается и пропозиционная основа рассказа: причем, насколько можно судить по сопоставлению оригинала и переводов, эти изменения не несут смысловой нагрузки, а скорее демонстрируют некоторое пренебрежение переводчиков визуальным рядом в угоду вербальному, стихотворный характер которого накладывает свои ограничения на выбор лексики. Вербально-визуальные несоответствия незначительны, однако показательны, так как и в переводе Хармса, и в переводе Усачева обнаруживаются уже в самом начале рассказа. Так, у Хармса Каспар Шлих хочет утопить щенков в речке, хотя в оригинале речь идет о пруде (*нем. der Teich*), и изображенный на картинке водоем действительно больше похож на пруд. В тексте Усачева фермер Швах несет щенков за шкирку, хотя на картинке отчетливо видно, что несет он их под мышками (*нем. unterm Arm*).

Еще более интересно другое менее очевидное несоответствие, обнаруживаемое в переводе Усачева. В эпилоге папа Фиттих вместе с детьми и собаками встречает англичанина у того самого пруда, где собак когда-то хотел утопить Шлих. Как пишет Хармс, оказываются они там, идя с прогулки (*нем. spazieren*

gehen), что представляется вполне логичным, если посмотреть на картинку и обратить внимание на то, как одеты герои (костюмы, белые рубашки, шляпы). Однако в переводе Усачева слово «прогулка» заменено на слово поход, что вызывает скрытое противоречие, так как это слово представляется анахроничным, учитывая место и время действия рассказа.

Показательна и референциальная стратегия переводов Хармса и Усачева, так же обнаруживающая ряд несовпадений, начиная с названия рассказа: у Хармса, в соответствии с оригиналом, рассказ называется «Плих и Плюх», у Усачева — «Плюх и Плих». Важно отметить, что особенность сюжета определяет референциальную взаимозависимость между Петером и Паулем и Плихом и Плюхом (собаки и хозяева похожи еще и внешне). В переводе Хармса, во всяком случае в первой главе, эта связь прослеживается более последовательно (хотя и противоречит оригиналу, в котором Плих — это пес Пауля, а Плюх — Петера), хотя по ходу текста и нарушается несколько раз, потому что Хармс не всегда учитывает визуальный ряд, а именно связь между пространственным расположением героев и их наименованием с учетом направленности правостороннего кириллического письма, в силу которого и картинку читатель, скорее всего, начнет изучать начиная с левого края (табл. 1, рис. 1).

Таблица 1. Референциальная неопределенность

Оригинал	Перевод Д. Хармса	Перевод А. Усачева
»Warte, Plisch! du Schwerenöter!« Damit reichte ihm der Peter Einen wohlgezielten Hieb. Das ist aber Paul nicht lieb ⁶ .	Пауль кнутиком взмахнул, Плюха кнутиком стегнул. (С. 48)*	Петер кнутик свой берет И с размаху Плиха бьет. (С. 37)

Рис. 1. Референциальная неопределенность

Референциальные несоответствия такого рода приводят к референциальной неопределенности: невозможности точно сказать, кто из героев Петер, кто Пауль, а кто Плих и Плюх соответственно. Указанная неопределенность, носящая явный оттенок абсурдизма, мотивирована оригиналом, в котором нет какие-либо вербальных указаний на то, кто из братьев кто, что позволяет говорить о их типизированности, отсутствии у них каких-либо индивидуальных

* Здесь и далее при цитировании в скобках указывается страница соответствующего издания.

черт (в первую очередь черт характера, так как внешне они вполне различны, что доказывает визуальный ряд).

Референциально неопределенным представляется и перевод Усачева, и не только потому, что Плих и Плюх в нем последовательно заменяются на Плюха и Плиха, но и потому, что, в отличие от Хармса, Усачев более активно использует синонимические замены (братья, мальчишки, дети) и далеко не всегда называет героев по именам, даже в тех случаях, когда это могло бы помочь более или менее однозначной референции.

Оценка особенностей сюжетного развертывания, в свою очередь, показывает, что переводческие стратегии Хармса и Усачева обнаруживают как сходства, так и различия. Так, статичность визуального ряда, фрагментирующего сюжет, повышает значимость темпоральных маркеров, которые действительно нередко появляются в графических рассказах, но не в анализируемом рассказе, где, в обоих переводах, они не являются частотными и заменяются либо на сочинительные союзы, маркирующие скорее отношения, чем временную последовательность действий, либо на указательные наречия, в силу синкретичного характера текста явно совмещающие в себе темпоральную и локативную семантики: «Тут проснулись оба брата / И собак прогнали прочь» (Хармс, с. 22); «Тут во двор вбегают дети: / — Мы спасли щенков от смерти!» (Усачев, с. 15). Помимо указанных слов, в переводе Хармса также несколько раз появляется наречие «вдруг», маркирующее значимую сюжетную точку и очень характерное для текстов детской литературы (в переводе Усачева наречие вдруг встретилось лишь пару раз) (табл. 2).

Таблица 2. Способы маркирования сюжетных точек

Перевод Д. Хармса	Перевод А. Усачева
Папа Фиттих на ходу Вдруг схватил сковороду И на Шлиха блин горячий Нахлобучил на ходу. (С. 52)	Папа Фиттих, слыша это, Сковородку вдруг схватил И на вредного соседа Блин горячий опустил. (С. 41)

Еще одной общей для двух переводческих стратегий особенностью, напрямую связанной с полимодальным характером рассказа, будет активное использование глагольных лексем в форме настоящего исторического. Так как в основе текста лежит повествование, появление глаголов вполне ожидаемо, потому что только глаголы позволяют обеспечить сюжетную непрерывность, маркируя разные фазы события. Использование форм настоящего исторического, в свою очередь, обеспечивает достижение «эффекта присутствия», характерного в том числе и для детских текстов младшего школьного возраста, на которых рассчитан анализируемый рассказ. Одновременно с этим формы настоящего времени — конкретно-процессного или неограниченно кратного — позволяют добавить статичному изображению динамики (достигаемой и на лексическом уровне за счет использования глаголов с семей интенсивности, в том числе в сочетании с лексическими интенсификаторами) (табл. 3).

Таблица 3. Обеспечение сюжетной динамики

Перевод Д. Хармса	Перевод А. Усачева
Петер, Пауль, Плих и Плюх Мчатся к дому во весь дух. (С. 10)	Братья чуть не кувырком Мчатся к дому с ветерком, Мчатся к дому прямиком, Каждый со своим щенком. (С. 11)

Основное же различие в способах развертывания сюжета в переводах Хармса и Усачева заключается, на наш взгляд, в степени детализации. Хармс стремится к своего рода вербальной компрессии, оставляя часть действий и реакций не вербализованными, либо вербализуя их не за счет предметной, а за счет оценочной лексики, повышая тем самым значимость визуального ряда, а значит, степень креолизации (табл. 4).

Таблица 4. Повышение степени креолизации рассказа

Перевод Д. Хармса	Перевод А. Усачева
«Это что ещё за штуки!» — Утром крикнул папа Фиттих. (С. 24)	Утром папа входит к детям. Что он видит на паркете? Лоскутки, клочки и нитки... И огромные убытки! (С. 19)

Повышение степени креолизации становится возможным и потому, что Хармс усложняет чистую повествовательную стратегию, вербально мотивируя происходящее, маркируя причинно-следственные связи между действиями (табл. 5).

Таблица 5. Мотивировка происходящего vs писание происходящего

Перевод Д. Хармса	Перевод А. Усачева
Драться в кухне мало места. Табурет, горшок и тесто, И кастрюля с молоком Полетели кувырком. (С. 47)	Тут на кухню Плюх влетает, Плих за ним несется вслед. А за ними всё взлетает Миска, тесто, табурет... (С. 37)

Переводческая стратегия Усачева, как можно видеть из примеров, напротив, ориентирована скорее на повествовательно-описательную манеру: вербальный ряд дублирует ряд визуальный, причем нередко в рамках одной картинке, в то время как связь между картинками (логическая или хронологическая) не прописывается.

Однако наиболее интересны, на наш взгляд, те переводческие приемы, которые затрагивают аксиологический уровень текста, а именно культурно-воспитательный его пласт, так как именно он требовал основной адаптации. Так, в оригинальном варианте текста папа Фиттих отдает сыновей в школу учителя Бокельмана, который делает мальчиков образованными и воспитанными не без помощи розги. Необходимо уточнить, что, согласно сюжету, телесному наказанию Бокельман подвергает мальчиков только один раз и потому, что они не хотят признать его правоту в том, что образованность помогает «добиться почета», а воспитанность — избежать неприятностей. Тот же метод воспитания герои применяют и к своим собакам. Отметим, что в этой главе визуальный ряд имеет большое значение, так как создает определенное сюжетное напряжение: на всех картинках, сопровождающих довольно благодушный монолог Бокельмана, который герои не воспринимаю всерьез, отчетливо виден кончик розги, который высовывается из внутреннего кармана учителя, а значит, читатели, современные Бушу (да и современные Хармсу) прекрасно могут догадаться, что произойдет дальше (рис. 2).

И в переводе Хармса, и в переводе Усачева методы воспитания учителя Бокельмана однозначно оцениваются как недопустимые и бесполезные, однако текст встает в явное противоречие с визуальным рядом. Так, в переводе Хармса, из которого монолог Бокельмана исключен, не возникает сюжетного

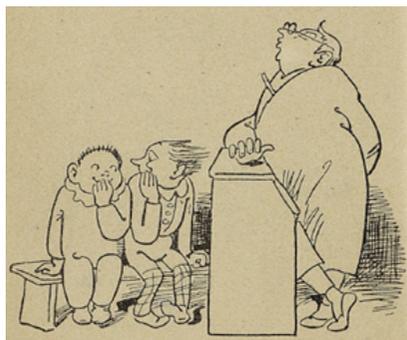

Рис. 2. Изображение воспитательных практик

напряжения, так как в тексте сразу сообщается, что Бокельман делает с мальчиками. Нет сюжетного напряжения и в переводе Усачева, несмотря на то что жестокость воспитательных методов Бокельмана Усачев явно гиперболизирует (табл. 6).

Таблица 6. Переосмысление воспитательных традиций

Перевод Д. Хармса	Перевод А. Усачева
Бокельман ругал мальчишек И как лев на них рычал. Если кто не знал урока, Не умел спрягать глагол, Бокельман того жестоко Тонкой розгою порол. Впрочем, это очень мало Иль совсем не помогало, Потому что от битья Умным сделаться нельзя. (С. 55–58)	Бокельман, учитель частный, Разработал метод классный: Этот славный педагог Бил детей, чем только мог – Палкой, розгой, хворостиной Ремешком, кнутом, линейкой... Старшекласников — дубиной, А прогульщиков — скамейкой <...> Только знания вбить не мог Детям этот педагог. Ведь количество извилин Увеличить кнут бессилён! (С. 44–47)

Показательно, что в обоих переводах единичный в оригинале акт наказания трактуется как действие повторяющееся (за счет форм настоящего многократного действия). Наибольшего конфликта с визуальным рядом перевод Усачева достигает в конце главы, где результаты обучения в школе Бокельмана оцениваются как неудовлетворительные, однако на картинке Петер и Пауль выглядят вполне воспитанными и прилежными (из перевода Д. Хармса эта картинка исключена).

В переводе Усачева обнаруживаются и другие, менее заметные изменения аксиологического уровня, свидетельствующие о попытке осовременить текст. Так, в тексте более последовательно реализуется мотив наказания и мотив денег: папа Фиттих постоянно стремится наказать своих детей то за нарушение распорядка, то за убытки, которые приносят их шенки, то за драку. Так, детей ставят в угол за порванные Плихом и Плюхом штаны и туфли, хотя в оригинале о наказании речи не идет. Тема денег и расходов также упоминается неоднократно: фермер Швах, в переводе Усачева, постоянно повторяет, что кормить псов напрасный труд, и погибает (впрочем, как и в оригинале) потому, что расстраивается из-за упущенной выгоды, так как в конце рассказа собак покупает приезжий англичанин, который платит за каждого по 1000 («тыще») марок (в оригинале всего 100 марок, в переводе Хармса — 100 рублей).

Привлекает внимание и стилистическая манера Усачева, которая тоже в той или иной мере является отражением оценочного уровня текста. Для перевода Усачева характерно сочетание лексики разговорно-оценочной (псины), в том числе молодежного жаргона (классный), с иноязычными немецкими вкраплениями (Зер Гут, капут), малоупотребительными словами, не все из которых поясняются или поясняются в подстрочных лингвистических примечаниях (например слово «пеньковый»), что представляется странными, учитывая возрастную группу, на которую рассчитан перевод. На оценочный уровень текста, видимо, должно работать и изменение имени Каспара Шлиха на фермера Шваха, однако в тексте значение этого имени не раскрывается. Указанный стилистический прием реализуется непоследовательно, что не дает возможности однозначно оценить точку зрения имплицитного повествователя.

Перевод Хармса в этом отношении более нейтрален: Хармс избегает оценочной лексики, однако учитывает эстетические потребности потенциального читателя, что в первую очередь видно на ритмико-синтаксическом уровне, где Хармс использует характерные для детской поэзии приемы синтаксического параллелизма, усиленные лексическими повторами и упрощающие процесс запоминания текста.

Таким образом, сопоставление двух переводческих стратегий Д. Хармса и А. Усачева позволяет продемонстрировать, что поликодовые тексты даже с низким уровнем креолизации представляют собой крайне непростой материал, требующий от переводчика пристального внимания к визуальной составляющей текста и дающий ему широкие возможности для адаптации и творческой трактовки оригинала, особенно если речь идет о культурно и исторически детерминированном тексте.

Примечания

¹ См., например: *Бернадская А. А.* К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. 2000. № 3. С. 104–110.

² *Скаф М.* Комикс и книжка-картинка: границы визуально литературных жанров // Детские чтения. 2016. 10 (2). С. 285–303.

³ *Корнилова В. В.* Детские иллюстрированные журналы в художественной жизни Петербурга XIX – п.п. XX века. Типология и эволюция: автореф. дис. ... канд. иск. наук: спец. 17.00.04. СПб., 2002. С. 27.

⁴ *Буш В.* Плих и Плюх / пер. Д. Хармса. М. ; Ленинград, 1937. 72 с. Первый же вариант перевода был напечатан в журнале «Чиж» (1936 г. № 8–12), а вариант для издания 1937 г. несколько переработан.

⁵ *Буш В.* Плюх и Плих и другие истории для детей [собрание сочинений: в 2 кн.: для старшего дошкольного и младшего школьного возраста] / пересказ А. Усачева. М., 2011. 124 с.

⁶ *Busch W.* Plisch und Plum // Der Spiegel. URL: <http://gutenberg.spiegel.de/wbusch/plisch/plisch.htm> (дата обращения: 24.07.20).